

III.—Мама!.. даая!..

— Бабушка... а, бабушка!.. дай ты мнъ его-то! Онъ кричть ужъ очень; можетъ, пришло молоко-то,—говорила слабымъ голосомъ молодая женщина, лежа на соломѣ.

— Ну, да что тамъ давать его! Молоку рано придти. Нѣка, голубчикъ, сосочку... пососи.

И бабушка сунула соску изъ жеваннаго чернаго хлѣба.

— Такъ-то лучше. Пущай ему кислотой-то животикъ сви-хнть. Скорый грыжу отобьетъ.

— Бабушка, его перемѣнить надо. Давай пеленку-то. Вынь въ сундука... Ахъ, ты мой милый, мой ненаглядный!

— Да ты не очень-то... Небось, нехолодно. И мокрый поле-хнть. Ты не Богъ вѣсть сколько припасла ему.

— Что же, бабушка дорогая, я-то подѣлаю? Чѣд заработкаю, на хлѣбъ идеть. Кабы матушка жива была,—ну, тогда дѣло бы другое, а то я кругомъ сиротой осталась. Сестра и та въ том-ской губерніи. Я и то не знаю, какъ быть. Три рубашки по-слонныхъ мужниныхъ на пеленки разорвала, да ситцевую на подголовники. Всего-то своихъ три подставки были—одну на свивальники извела. Дѣлай, чѣд хочешь теперь... Да дай ему, бабушка, чего нибудь... онъ кричитъ все... Баю, баю... мой маль-чикъ... мое золото ненаглядное... Ну, чѣд, Петръ? Какъ дѣла? Дали?

— Даъ батюшка три рубля,—отвѣчаль вошедшій въ избу здоровый крестьянинъ, лѣтъ тридцати:—еле просилъ; велѣль копной отдать, какъ хлѣбъ поспѣть. А гдѣ ихъ, копны-то, раз-добудешь? Всего полнива въ посывѣ... Вотъ развѣ, когда землю дѣлить станутъ, на него дадутъ еще душу,—съ улыбкой приба-валъ онъ, глядя на сына.—Да и три-то рубля еле просилъ.

Мачиха такой шумъ подняла... бѣда чистая... На крестини еще давай ему, да на похороны ребенку, да на болѣань жены. Такъ и нянчись, говорить, съ нимъ всю жизнь... Ну, батюшка настоящъ... даже прикинуль на нее.

— Бабушка, да дай ты ему-то чего-нибудь! Вѣдь онъ все кричить,—сказала молодая мать.

— Ну, и пущай кричать. Я-то что-жъ подѣлаю? Дѣти всегда кричать. Нѣ, нѣ, соси!

Бабка опять сунула ему въ ротъ выпавшую-было соску.

— Ну, а теперь пойду, Натальюшка,—сказала бабка.— Надо старика накормить и ребятъ. Они ноньче пахать выѣхали, Господи благослови!

— А ты, Петръ, скоро пахать пойдешь?—спросила родильница.

— Полниву-то? Когда ни выѣхать, къ обѣду вышишу. Пахота!.. Стдить о нашей пахотѣ говорить. Слава Богу, съ шеи барскую пахоту свалилъ, обязательную. А о своей пахотѣ чтѣ говорить!

— Да ты, Петръ, купи ему на три копѣйки сѣры. Бабка говорить, крикъ у него отъ грыжи. Всегда сѣры въ хлѣбъ пожевать для соски.

— Ну, что-жъ, сѣры, такъ сѣры. Сейчасъ бѣжать что-ль, аль когда бабка придѣтъ?

— Нѣть, когда пойдешь куда. Дѣловъ много у тебя? а то побыль бы дома со мной. Бау... бау... Да спи же, голубчикъ мой, спи, родной!.. Грыжа у тебя?.. да?.. грыжа?..

Вскорѣ мальчикъ заснулъ. Задремала и измучившаяся за ночь молодая женщина. Мужъ въ избѣ чинилъ сошной хомутъ...

На Казанскую Петръ сталъ отбивать босу.

— Чтѣ это?—спросила жена:—нѣшто мужики завтра косить идутъ?

— Нѣть, мужики-то еще не идутъ, а я пойду.

— Рожь-то поспѣла?

— Ходилъ сегодня въ поле, какъ будто можно косить. Конечно, подождать бы еще слѣдовало, да ужъ больно надоѣло пососѣдамъ ходить. И такъ всѣмъ должны. Коли на сѣмена осьмину оставить, да долги раздать—вотъ тебѣ и пѣлинива вся. Ноньче еще на кулешъ пшена у тестя взялъ. Ничего не подѣлаешь! Надо убрать поскорѣе. А то когда всѣ-то пойдутъ, чреда на мельницѣ не добѣешься, Чтѣ Сѣма?

— Заснулъ, Богъ даль. Спасибо, кума Матрена махоточку молока даетъ кое-когда. А то у самой-то у меня молока почти

нѣть. Вотъ, поспѣютъ огурцы, капуста... картошки будуть... ну, тогда, можетъ, и у меня молоко будетъ, а теперь съ хлѣба-то не раскоринешься.

— Чѣдѣ ты на Старое-Село ходила съ нимъ къ бабѣ?

— Нѣть. Да мало ли по нимъ исходила? Сегодня на барскую усадьбу ходила. Сказывали, фельдшеръ пріѣхалъ. Я и пошла. Говорить, кормъ плохой. Оттого и поносъ. Ему не вѣльзъ окромя груди ничего давать, да самой мясо Ѵсть. А тутъ не то что мяса, и хлѣба-то вволю нѣть.

— Ужъ не наняться ли мнѣ, Наталия, въ батраки на барский дворъ? Они задатки даютъ хорошіе.

— Ну, и возьмешь задатокъ, а тамъ и ломай горбъ цѣлый годъ. А я чѣдѣ жъ тутъ подѣлаю одна безъ тебя?

— Какъ ни кинь—все клинъ. Давай кулешъ Ѵсть, что-ли?

— Давай. А мнѣ завтра въ поле съ тобой идти? Слѣдомъ, что-ли, вязать будемъ?

— Можно и слѣдомъ—ролжъ чистая. Зеленѣ маленько—ну, да сноны поменьше вязать будешь.

На другой день, рано утромъ, Петръ съ женой отправились въ поле. На своей полосѣ онъ выкосилъ уголовъ ржи, отпрачь лошадь и привязалъ ее къ телѣгѣ, давъ ей корму. Люльку онъ привязалъ къ оглоблѣ, приподнятой и привязанной черезъ сѣдельникомъ тоже къ телѣгѣ.

— Ну, побудь здѣсь безъ мамы,—говорила она съ сыномъ, точно онъ понимаетъ ее,—поспи, а я тебя занавѣшу отъ мухъ. Спи, голубчикъ! Я скоро вернусь.

Началась работа. Бодро шелъ Петръ впередъ, захвативъ широкій рядъ. Было жарко, и онъ снялъ фуражку. Чтобы волосы не падали въ глаза, онъ ихъ подвязалъ соломеннымъ свисломъ. Изрѣдка онъ останавливался отточить босу. Сзади, нѣсколько отставая, вязала жена. Окончивъ свой рядъ, Петръ помогъ ей довязать конецъ ряда.

— Ты не торопись, Наталия. Отстанѣшь—я тебѣ подсоблю. Лишь бы сноны большіе не вязать. Рожь-то порядочно сыровата.

Послѣ первого ряда, когда они вернулись къ телѣгѣ, первымъ дѣломъ матери было броситься къ люлькѣ. Сынъ ея спалъ. Полюбовавшись имъ и прогнавъ пристававшую къ его глазу муху, мать опять принялась за работу.

Они опять ушли уже далеко—скоро и второй рядъ будетъ готовъ... Вдругъ Петръ услыхалъ крикъ. Смотрѣть... какой-то мужикъ, тоже косившій, издалека бѣжитъ и кричитъ ему что-то, махая рукою.

— Чего онъ кричить? — сказала она женѣ.

Вдругъ та вскрикнула и показала на телѣгу. Лошадь испугалась проходившей между бабы и рвалась у телѣги. Телѣга была на боку. Людка, все привязанная къ оглоблѣ, лежала на землѣ. Все это лошадь оттащила довольно далеко.

— Сѣма! — въ свою очередь крикнулъ Петръ и бросился опрометью къ телѣгѣ. Жена его постояла, какъ вкопанная, и тоже бросилась бѣжать. Какъ она добѣжалася — она сама бы не сказала. Она помнила только, какъ Петръ ей крикнулъ:

— Ничего, слава Богу! Не ушибся!

Она помнила, какъ она подала ей сына, который даже не плакалъ, какъ она его распеленала и убѣдила, что онъ цѣль и невредимъ. Говорить она не могла, рыданья подступали къ ей горлу. Она держала его и, не сводя глазъ съ него, убаюкивала его. Онъ заплакалъ. Она дала ему грудь. Народъ постоялъ, постоялъ вокругъ нея — выѣхавшихъ косить зеленую рожь оказалось не мало — и разошелся. Петръ тоже пошелъ косить, а она осталась съ Сѣмой у телѣги.

Иногда ей Сѣма ея представлялся подъ ногами у лошади, окровавленный, мертвый... Она рисовала себѣ картину, какъ онъ лежитъ въ гробу съ обезображенными копытами лошади лицомъ. Сердце ея билось до боли; она старалась отогнать отъ себя эти мысли и успокаивалася только при видѣ спокойно спящаго ребенка...

Прошелъ годъ. Въ той же избѣ, въ томъ же углу, где родила, дремала больная Наталья. Мужъ ея, облокотившись на столъ и подперевши голову руками, сидѣлъ рядомъ съ ней на лавкѣ. Сѣма спалъ въ люлькѣ. Въ избѣ была страшная духота и отъ юльской жары, и отъ только-что протопленной печи. Дымъ стоялъ густымъ облакомъ въ избѣ и лѣниво выходилъ въ отворенную дверь. Вдругъ Сѣма закричалъ: „Мама, дзяя!“...

— Петръ, дай мнѣ его покормить! Петръ!.. а Петръ!

Петръ, очнувшись отъ глубокой думы, обратился къ женѣ:

— А?.. чѣд?

— Дай мнѣ его покормить! — слабымъ, чуть слышнымъ голосомъ повторила она.

Петръ осторожно вынулъ ребенка изъ люльки и подалъ его матери. Ребенокъ радостно закричалъ: „дзяя!“ — и протянулъ впередь ручки. За годъ онъ выросъ, но казался худымъ, истощеннымъ.

— Да что ты его не отмыешь? — сказалъ мужъ. — Какое тамъ кормленіе! Сама на ладанъ дышешь. Да и молока-то нѣтъ!

— Вѣдь онъ просить! Хоть побалуемся! Я-то чѣмъ подѣлаю?

Ребенокъ взялъ грудь, но, не находя молока, началъ ее требить.

— Мама, дэзя, дэзя!..

— Ну, гдѣ же я тебѣ достану молока, мой ангелъ? Потерпи, потерпи немного! можетъ, придется!.. Петръ, чѣмъ съ нимъ будетъ, когда я помру?

Наталья заплакала. Отеръ рукою глаза и Петръ.

— Можетъ, Богъ дастъ, еще поправишься. Тебѣ докторъ далъ лекарство. Можетъ, полегчаетъ.

— Гдѣ ужъ тамъ! Только зря на меня харчишься. Все равно умру! А то лошадь продалъ, да землю заложилъ.

— Лишь бы поправилась. Будемъ вмѣстѣ работать—наживемъ. Я въ батраки пойду.

— О-охъ!.. Мочи моей нѣтъ! Возьми его, да дай молочка.

— Молока нѣтъ—онъ все выпилъ.

— Ну, сходи къ кумѣ Анисѣй, скажи, что я не могу прийти. А Анисѣй не дастъ—къ своимъ сходи. Вѣдь не помирать же ему съ голоду. И кашки-то нѣтъ. Одинъ хлѣбъ.

Петръ, молча, взялъ кружку и вышелъ. Наталья было холодно; она хотѣла привстать, чтобы поправить сбившуюся въ ногамъ дерюгу, которой она покрывалась, но въ глазахъ у нея помутнѣло, и она снова повалилась головой на корсетку, которая замѣнила ей подушку. Сѣма кричалъ; но помочь ему она не могла. Сердце ея надрывалось отъ его крика. Наконецъ, мужъ пришелъ и принесъ кружку молока.

— Анисѣй отказалась, да при этомъ была старуха Глухова. Дай Богъ ей здоровья! Какъ услыхала, что ты не встаешь—сама назвалась. „Возьми,—говорить,—молочка. У меня много“.

— Ты въ поле пойдешь?—спросила больная.

— Да какъ я пойду-то? Тебя-то нельзя оставить. Я и то заходилъ къ бабкѣ Матренѣ, не побудеть ли съ тобой денекъ, пока я покошусь у своихъ. Говорить,—сама осталась одна съ малыми дѣтьми въ избѣ.

— Иди, иди. Я пролежу одна. Ты обвязался у нихъ отработать. У насъ вѣдь своего хлѣба нѣтъ. Не пойдешь—и хлѣба не будетъ... Иди, голубчикъ! Только дай мнѣ его-то... Онъ со мной полежитъ; да молочко поставь тутъ, чтобы я достать могла... Такъ, такъ... Ну, ступай съ Богомъ...

Петръ поставилъ молоко и чашку съ водой и намоченными въ ней сухарями изъ чернаго хлѣба, взялъ висѣвшій на стѣнѣ брускъ, надѣль, на всякий случай, кафтанъ и, захвативъ съ собой хлѣба и кувшинъ для воды, направился въ ригу за косой.

— Ну, я пойду. Захочешь ѿстъ — я тебѣ поставилъ хлѣба съ водой и соль.

— Ты въ обѣду-то придешь? — спросила его жена, когда онъ выходилъ.

— Приду. А то какъ же? Не на цѣлый же день тебя бросать! Можетъ, тебѣ чтѣ понадобится.

— Петръ, а Петръ... — опять остановила она его.

— Чтѣ?

— Когда я помру, ты женись скорѣе. Только возьми добрую жену... чтобы мачиха его не обижала...

— Да будеть же! Поправиши... чтѣ о смерти думать!

Она замолчала и прижала къ себѣ сына... Мужъ ушелъ.

— Мама, дззи... дззи, мама!

— Да гдѣ же я возьму тебѣ дззи? на молочка, попей, попей!

Онъ попилъ молока, но все лѣзъ къ материнской груди. Она дала себѣ кусать. Онъ сердился, потомъ, мало-по-малу, успокоился и заснулъ у нея на рукѣ.

Утомленная разговоромъ, она закрыла глаза и старалась заснуть. Но сонъ не приходилъ. Мысли ей улетали далеко, далеко. Вотъ она видѣть себя ребенкомъ. Ей хорошо у мамушки; она цѣлые дни играетъ съ сестрой. Рѣдко, рѣдко ее берутъ въ поле, и то только на полку, оттаскивать на межу соръ. Отецъ ихъ баловалъ. Чтѣ за радость, когда онъ привозилъ имъ съ базара гостинцы, кренделей, сѣмячекъ, а то и пряниковъ или куклу глиняную... Вѣдь они жили хорошо. Ахъ, какъ ей хотѣлось въ нянѣкі!.. „Всѣ подруги мои въ нянѣкахъ; одна я дома сижу безъ дѣла... Мама, отдай меня въ нянѣкі!..“ И ее отдали въ нянѣкі къ сосѣдѣ Акулинѣ. Какъ она довольна была! какъ ходила за ввѣреннымъ ея попеченіемъ ребенкомъ, не то играя имъ, какъ дѣвочка играетъ куклой, не то ухаживая за нимъ, какъ мать! Всѣ ею довольны, всѣ хвалятъ. Акулина то-и-дѣло дарить ей то бусы, то платокъ... Она подростаетъ... скоро будетъ не-вѣстой... Каждый день ходитъ на поденную, когда нѣтъ своей работы. Деньги заработанные она отдаетъ мамушкѣ. Та приберегаетъ ихъ къ свадѣбѣ ея. На улицѣ, по вечерамъ, она уже стала присматривать жениха... Но никого она не отличаетъ... вѣкъ бы осталась у мамушки!

Но не вѣкъ бываютъ счастливы. Мамушка ея заболѣваетъ горячкой; она ходить за ней, но ничто не помогаетъ... мамушка умираетъ. Боже! чѣдѣ за горе! И гдѣ у нея слезъ хватило вы-плакать его?

При мысли о смерти матери больную кольнуло въ бокъ; она вскрикнула и отпила немнога сухарной воды; ей стало еще ходиѣ, въ глазахъ начали проходить темные круги. Ей нечѣмъ стало дышать...

— Сѣма, Сѣма! или я умираю?

Она сдѣлала усилие рукой, какъ будто прижимаетъ его къ себѣ; рука не слушалась... Она забылась... Но прошлое опять ярко возстало передъ ней. Она уже скоро невѣста. Сестра ея, любимая сестра, уѣхала съ мужемъ въ Сибирь. Первые письма приходять—что тамъ жить хорошо, а дальше пишеть, что то-скуетъ, что хотѣла бы хоть умереть въ Ивановкѣ... Она—невѣста... Какъ сироту, ее молодые женихи обѣгаютъ... Но вотъ изъ сол-датъ приходитъ молодой, красивый Петръ. Она выходить за него. Онъ любить ее, жалѣть. Она счастлива, и понемногу забываетъ мать. Но и тутъ къ счастью примѣшивается горе! Ма-чиха мужнина начинаетъ на нее нападать ни за что или, мо-жетъ быть, за то, что она сирота... Мужъ терпить, думаетъ—заступится отецъ, но отецъ безсиленъ передъ молодой женой... Петра отдѣляютъ почти ни съ чѣмъ. Начинается борьба изъ-за куска хлѣба, работа черезъ силу, чтобы построить хату на концѣ села. Она вынуждена продать свои холсты. Но все ничего: съ мужемъ они живутъ дружно. Наконецъ, родился Сѣма, ея воз-любленный Сѣма. Она ходить за нимъ, какъ можетъ, не жалѣя силы и послѣднихъ средствъ. Спасибо мужу! Онъ не мѣшаетъ ей. Даже помогаетъ, чѣмъ можетъ...

Вспоминаетъ она случай съ лошадью, чуть не убившею Сѣму. А вдругъ она, правда, убила бы его!..

Эта мысль заставляетъ ее вздрогнуть. Она чувствуетъ, что холодный потъ выступаетъ на ея лицѣ. Она дѣлаетъ движение, чтобы обтереть его, но не можетъ двинуть рукой...

— Боже, неужели я умираю?—мельнуло у нея въ умѣ.—Разстаться съ Сѣмой пришло время! Бѣдный мой мальчикъ! Го-споди, все ли я вчера сказала на исповѣди, когда я причаща-лась? Кажется, все...

И она припоминаетъ, чѣдѣ сказала.

— Да, кажется, все. Я умираю... Что же мужъ не идетъ?.. Но мысли путались; боли она не чувствуетъ никакой. Ей хо-

чется еще посмотреть на сына. Она дѣлаетъ движеніе, чтобы повернуться. Мальчикъ проснулся.

— Мама, дѣзя... Мама!..

И онъ лѣзть въ ея груди. Но она не можетъ помочь ему.

— Господи, я умираю... Господи, пошли счастье Сем'! — мелькнуло у нея въ умѣ.

Но мысль уже не работаетъ, и только машинально губы какъ бы шевелились:

— Сема... Сема!..

— Мама, дѣзя!.. — кричалъ мальчикъ и начиналъ сердиться и плакать, что мама дѣзя не даетъ...

Къ обѣду торопится Петръ; онъ отворяетъ дверь, входитъ. Слышитъ плачъ дѣтскій и крикъ:

— Мама, дѣзя!..

Петръ наклонился къ женѣ... Сема кусалъ грудь умершей...

АЛЕКСАНДРЪ НОВИКОВЪ.

